

В.Г. Сироткин

История Франции

Пятая республика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В.Г. Сироткин
В11 История Франции: Пятая республика / В.Г. Сироткин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 200 с.

ISBN 978-5-458-29789-9

Учебное пособие для вузов по специальности "История". В пособии излагается история страны за период с 1958 по 1988 год: ее социально-экономическое развитие, особенности государственного устройства, общественно-политическая жизнь. Специальный раздел освещает современный этап жизни Франции, в том числе советско-французские отношения. Книга снабжена кратким словарем-справочником французских терминов и сокращений, а также библиографией.

ISBN 978-5-458-29789-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

максимально избежать дублирования материала, отраженного в других пособиях, в частности по новейшей истории Франции¹.

Изложенный в пособии материал апробирован в общих курсах лекций и спецкурсах, которые автор в 60–80-х годах читал в Московском государственном институте иностранных языков им. Мориса Тореза, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина и в Дипломатической академии МИД СССР.

¹ См.: *Смирнов В. П.* Новейшая история Франции: 1918– 1975. М., 1979.

РАЗДЕЛ I

ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА

Современная Франция является одной из ведущих индустриально развитых буржуазных стран Запада и занимает четвертое место по объему промышленного производства в капиталистическом мире после США, Японии и ФРГ.

Франция сравнительно небольшая по площади (551 тыс. кв. км) и населению (около 55 млн. человек) страна (ее иногда называют „самой малой из великих и самой великой из малых держав“). К середине 70-х годов она достигла значительных успехов в промышленном развитии: по темпам роста экономики к началу 70-х годов обогнала даже США и уступала только Японии. К началу 80-х годов уровень производительности труда в стране составлял 63 % от уровня США (для сравнения: в ФРГ — 81 %, в Японии — 61, в Великобритании — 42 %). В целом за период с 1945 по 1975 г. экономический потенциал Франции возрос в 4 раза.

Экономические успехи объяснялись прежде всего традиционно высокой квалификацией французских рабочих, хорошей подготовкой инженерно-технических работников (ИТР, или „кадров“, как их называют во Франции), высвобождением значительных финансовых средств после провала колониальных авантюр в Индокитае (1946—1954) и Алжире (1954—1962), научно-технической революцией (НТР), активным развитием международных экономических отношений Франции, связанным с началом разрядки напряженности в Европе. Заметный прогресс экономики позволил правящим кругам Франции в конце 60-х годов выдвинуть установку на „японский путь развития“: довести среднегодовые темпы роста валового национального продукта до 6 % в год, удвоить за десять лет объем промышленного производства и к началу 80-х годов по уровню индустриального развития догнать ФРГ. К концу века правящие круги намеревались вывести Францию на третье место в капиталистическом мире (после США и Японии) и на первое — в Западной Европе.

Однако начавшийся в середине 70-х годов энергетический кризис опрокинул все эти планы. Экономика Франции, как и вся экономика капиталистического мира, вступила в полосу затяжного кризиса.

1. Кризис финансово-ростовщического характера французского империализма и поиски выхода из него

Кризис финансово-ростовщического характера французского империализма. Экономика Франции в послевоенный период развивалась неравномерно.

Начиная с середины XIX в. французский империализм носит ярко выраженный финансовый, ростовщический характер в отличие, например, от колониального британского империализма. Это означало, что основную прибыль финансовая олигархия Франции извлекала не столько из промышленных капиталовложений внутри страны, сколько из процентов от предоставления внешних займов. За период с 1870 по 1913 г. вывоз капитала, главным образом в виде займов, вырос в 6 раз, тогда как капиталовложения в собственную промышленность увеличились лишь в 3 раза.

К началу XX в. во французскую промышленность было вложено 25 млрд. золотых франков, а в заграничные ценные бумаги (займы) более 45 млрд., из которых до 35 % приходилось на одну царскую Россию.

Такого рода источник обогащения породил тогда выражение — „стричь купоны от русских займов”. Дело в том, что ростовщические операции с точки зрения капиталистической рентабельности — самые выгодные и социально (для своей страны) наиболее безопасные. Не надо строить новые заводы, привозить из колоний сырье, нанимать рабочих, применять против них полицию и армию в случае забастовок, находиться под угрозой банкротства в случае экономического кризиса и т. д. Гораздо выгоднее предоставить, скажем, царской России или какой-либо балканской стране (Сербии или Румынии) крупный заем и затем спокойно получить с их правительств проценты — „стричь купоны”.

Такая многолетняя практика мирового ростовщичества породила во французском обществе конца XIX — начала XX в. даже целую социальную прослойку „рантье” — держателей ценных бумаг (облигаций), ибо необходимую сумму для заграничного займа государство брало преимущественно не из подвалов Парижского банка, а собирало, как правило, с мелких держателей облигаций — „рантье”, покупавших „купоны”

этих займов. До первой мировой войны среди мелкой французской буржуазии выработался даже особый стереотип „делания денег”. До 40—50 лет работа в лавке, накопительство, затем продажа своего „дела” приказчику или более молодому конкуренту и вкладывание всей выручки в „русские ценные бумаги”, с тем чтобы до конца дней своих „стричь купоны”, нигде не работая и живя в свое удовольствие.

Однако такой, по выражению В. И. Ленина, паразитарный экономический характер французского империализма был чреват для Франции тяжелыми последствиями. Главным здесь было то, что международное ростовщичество могло сравнительно успешно функционировать в условиях „мирной” эксплуатации стран-должников. С обострением межимпериалистических противоречий и началом борьбы великих держав за передел колоний и „сфер влияния” возникла угроза нарушения статус-кво, разразилась первая мировая война, а вместе с ней — невиданное ранее обострение классово-борьбы и национальных конфликтов.

Великая Октябрьская социалистическая революция свергла прежние эксплуататорские классы царской России и Временное правительство, а Республика Советов отказалась платить их долги. В итоге французский империализм после 1917 г. лишился около $\frac{1}{4}$ своих прежних капиталовложений за границей, приходившихся на бывшую Российскую империю. Это вызвало массовое разорение мелких „рантье”, держателей небольших пакетов ценных бумаг по „русским займам”, и в известной мере объясняет довольно высокую волну антисоветских настроений среди части мелкой буржуазии Франции 20-х годов, так же как и превращение Парижа в основной центр белой эмиграции на Западе.

Еще больший удар по оставшимся ростовщическим позициям нанесли вторая мировая война и последовавшие за ней революционные изменения, окончательно похоронившие прежние финансовые претензии французского империализма: возникновение в Восточной и Юго-Восточной Европе целого ряда стран, вставших на путь демократического и социалистического развития, привело к потере Францией прежних финансово-ростовщических позиций в таких странах, как Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия и др.

Начавшийся после второй мировой войны распад мировой системы колониализма, победа в 1949 г. китайской революции, начало в 1946 г. революции во Вьетнаме в еще большей степени усугубили экономические и финансовые трудности французского капитализма. Положение осложнялось тем, что прежняя

стабильность франка как мировой валюты канула в прошлое: с 1928 по 1958 г. он девальвировался (обесценивался) 15 раз.

После второй мировой войны со всей очевидностью проявился и другой порок ростовщического характера французского империализма: низкий (по сравнению с другими развитыми странами Запада) уровень промышленного развития и как следствие этого слабые экспортные возможности в конкурентной борьбе с соперниками на международных рынках сбыта.

Было бы неверно утверждать, что до второй мировой войны французская промышленность не развивалась совсем. Франция и пятьдесят лет назад располагала крупными промышленными предприятиями, такими, как металлургические заводы в Эльзасе и Лотарингии, крупнейшие в Европе автомобильные заводы братьев Рено, значительной оборонной промышленностью и т. д.

Однако основную прибыль все же давал не экспорт промышленных изделий (автомобили, паровозы, вагоны, станки и т. д.), а вывоз ссудного капитала (займы). Развитие современной промышленности осложнялось отсутствием в стране целого ряда жизненно важного промышленного сырья — нефти, природного газа, меди, молибдена и т. д. Все это приходилось либо привозить из своих колоний (но далеко не во всех из них были обнаружены эти полезные ископаемые, например нефть), либо покупать в других странах, а огромные расходы по импорту сырья необходимо было покрывать за счет дивидендов от зарубежных займов.

Сказывалась и отсталая с точки зрения современной капиталистической рентабельности структура французской промышленности. Она более чем наполовину была представлена карликовыми (с числом рабочих до 5 человек), по существу, ремесленными предприятиями-мастерскими, производившими всего понемногу, главным образом на внутренний рынок. 70 лет назад в таких мастерских работала половина всех рабочих Франции. (В настоящее время положение полностью изменилось: ныне только 10% рабочих занято в мастерских, остальные 90% — на крупных предприятиях.)

70 лет назад в индустриальном экспорте Франции ведущее место занимали не изделия промышленности группы „А” (средства производства), а товары промышленности группы „Б” (текстиль, готовое платье, обувь, парфюмерия, вина и т. д.). Традиционно высокая культура производства, мастерство французских модельеров, „законодательный диктат” Парижа

в модах и т. п. — все это обеспечивало надежный сбыт таких товаров на внутреннем и внешнем рынках.

В целях ограждения своей национальной промышленности сначала от английской, а затем от германской промышленной конкуренции французский финансово-ростовщический капитализм долгие годы, начиная с наполеоновской континентальной блокады 1806–1813 гг., проводил политику жесткого протекционизма, защищая внутренний рынок высокими заградительными пошлинами от иностранных товаров. Фактически это означало политику промышленной автаркии (самообеспечения), поскольку основная прибыль шла не от индустрии, а от ссудного капитала, дававшего огромные ростовщические доходы. Неудивительно, что за последние 40 лет нашего века удельный вес Франции в промышленном производстве капиталистического мира неуклонно снижался — с 7 % в 1913 г. до 6,4 % в 1929 г. и 4,6 % в 1948 г.

Вторая мировая война и подъем национально-освободительного движения во французских колониях полностью подорвали прежние паразитарные основы „процветания” французского империализма. Нужно было в самые сжатые сроки менять характер былого могущества, перестраивать экономическую базу, догонять уходившие вперед другие капиталистические промышленно развитые страны.

Три концепции возможного выхода: „атлантисты”, колониалисты и „дирижисты”. В первые послевоенные годы в правящих кругах Франции складываются три различные концепции о выходе из этой кризисной экономической ситуации, осложненной к тому же ослаблением политических позиций французского империализма в результате дискредитации части правящего класса страны, запятнавшего себя сотрудничеством с нацистами и марионеточным „режимом Виши” маршала Ф. Петена.

В основу *первой*, так называемой атлантической концепции легла идея тесного экономического, политического и военного союза с США путем получения американской финансовой „помощи”, займов, кредитов, создания смешанных франко-американских промышленных компаний и т. д. Иными словами, не рассчитывая больше на свои собственные силы и пренебрегая внутренними ресурсами страны (а именно на них предлагали в первую очередь опереться министры-коммунисты, входившие в 1944–1947 гг. в первые послевоенные правительства Франции), определенная часть правящих кругов и крупной буржуазии — приверженцев этой идеи — готова была укрепить свои узкоклассовые позиции даже за счет потери части национального суверенитета и независимости.

В годы IV Республики (1946–1958) французской крупной буржуазии атлантического толка удалось взять верх, а „атлантизм” превратился в официальную доктрину правящих кругов. Результаты этой политики хорошо известны: участие Франции с 1949 г. в агрессивном Североатлантическом военно-политическом союзе (НАТО), американские базы на французской земле, проникновение с 1948 г. по каналам „помощи” в рамках „плана Маршалла” монополий США во французскую экономику и т. д. Идеологическим оформлением первой концепции стали лозунги франко-американской „дружбы”, „атлантической солидарности” перед мнимой „угрозой с Востока”, общности „атлантических цивилизаций”¹ и т. п.

Последствия недалёковидной политики „атлантистов” сказываются во Франции до сих пор. Общая сумма иностранных капиталовложений во французскую экономику оценивается сегодня в 20–25 млрд. франков, 50 % из них приходится на транснациональные корпорации (ТНК). Ведущее положение среди этих ТНК занимают монополии США. К концу 60-х годов американский капитал все еще контролировал 500 из 700 иностранных компаний и фирм, официально зарегистрированных в стране. Отметим, что обратный процесс (проникновение в США французского капитала) выглядит пока более чем скромным: к концу 70-х годов французскому капиталу принадлежало всего 45 промышленных предприятий, им контролировалось около 65 средних фирм – чуть больше, чем имеют в США, например, „нефтяные шейхи” Кувейта.

Суть *второй*, колониалистской концепции поисков выхода из послевоенных экономических и финансовых затруднений заключалась в том, чтобы компенсировать потерю зарубежных капиталовложений и ссуд в таких странах, как Польша, Чехословакия, Югославия, Китай, Сирия, Ливан и т. д., за счет усиленной промышленной эксплуатации оставшихся за Францией после 1945 г. колоний, главным образом в Африке.

Исторически сложилось так, что французские капиталисты по тем же соображениям ростовщичества не слишком вкладывали свои капиталы в колонии (исключая Алжир), многие годы отводя им роль аграрно-сырьевого придатка метрополии. Сказывалась и относительно слабая миграция французов в колонии сначала королевской, а затем и республиканской Франции. Более или менее компактные группы переселенцев

¹ Надуманность идеологических ширм НАТО видна хотя бы из того, что к числу „атлантических цивилизаций” были отнесены Греция и Турция, географически и исторически имеющие мало общего с Атлантикой.

в XVII–XVIII вв. образовались лишь в канадской провинции Квебек с центром в г. Монреаль, на островах Мартиника, Гваделупа в Атлантическом океане, Новая Каледония (остров многие годы служил местом ссылки и каторги), в Южном Вьетнаме и некоторых других регионах.

В этом отношении колониальная миграция из Франции значительно уступала английской (США, Канада, Австралия, Южная и Юго-Восточная Африка и т. д.). В первом десятилетии – в 20-х годах XIX в. переселение в колонии вообще прекратилось – после наполеоновских войн по решению Венского конгресса 1814–1815 гг. Франция потеряла почти все свои заморские владения и фактически во второй половине XIX – начале XX в. ей пришлось воссоздавать свою колониальную империю как бы заново. Но выезд в новые владения оставался все на том же низком уровне: демографический спад прироста населения в метрополии создавал относительно полную занятость и дома (до середины 60-х годов нашего века во Франции был более низкий уровень безработицы, чем в соседних с ней странах). Поэтому у французов не было большого экономического стимула искать счастья за морями; ехали работать преимущественно на время колониальными чиновниками, учителями, мелкими торговцами, соблазняясь более высоким „тропическим” жалованьем или надеждами на быстрое обогащение за счет туземцев.

Особняком стояли Алжир и в меньшей степени Тунис и Марокко. Географическая близость к метрополии и во многом схожие с южнофранцузскими природно-климатические условия сделали эти три колонии наиболее массовыми районами французской эмиграции, особенно Алжир (до 1962 г. там проживало около 1 млн. 200 тыс. европейского населения – больше, чем в любой другой колонии; во Франции их обычно называли „pieds-noirs” – „черноногие”).

В Алжире раньше, чем в других колониях, возникли значительная горнодобывающая и обрабатывающая промышленность, крупные капиталистические сельскохозяйственные экспортные фермы и т. д. Сахарский „нефтяной бум” начала 50-х годов еще более усугубил аппетиты колониалистских кругов во Франции, полагавших, что „алжеризация” остальных колоний в Африке и Азии и есть тот выход из тупика, куда загнала французский империализм устаревшая стратегия ростовщичества.

Насколько упорны были усилия этой колониалистской группировки правящих кругов Франции, свидетельствуют две кровавые колониальные войны в Индокитае (1946–1954) и в Алжире (1954–1962).

Нежелание проколониалистских кругов признать необратимость исторического процесса национально-освободительной борьбы в конце концов вызвало острый политический кризис во Франции, едва не поставивший страну на грань гражданской войны, приведя к падению парламентарного режима IV Республики.

Сторонники *третьей, д и р и ж и с т с к о й* (от франц. „diriger” – управлять, руководить) концепции – высокообразованные специалисты-технократы из числа крупной послевоенной буржуазии – связывали перестройку экономических позиций французского империализма внутри и вне страны не столько с помощью США (она, по их мнению, была необходима лишь на первом послевоенном, восстановительном этапе, и не так экономически, как политически – против коммунистов и левых антифашистских сил) или промышленной эксплуатацией колоний, сколько с интенсивным развитием внутренних ресурсов Франции, с кардинальным изменением архаической экономической структуры: упор – на крупные предприятия промышленности группы „А”, развитие новейших отраслей – электроники, химии, атомной индустрии и т. д. Традиционный (и более невозможный) экспорт капитала Франция должна была заменить на экспорт высококачественных промышленных товаров (станки, автомобили, самолеты, суда и т. д.). Поэтому следовало отказаться от прежней автаркии, снять заградительные пошлины и активнее выходить на международные рынки. Но чтобы французская экономика не была раздавлена иностранными конкурентами (прежде всего монополиями США), перестройкой и модернизацией промышленности на основе новейших достижений НТР должно заниматься государство. Уже имеющиеся у государства хозяйственные функции (управление национализированными предприятиями, планирование, ценообразование и т. п.) необходимо еще более усилить, особенно в сфере финансирования и кредита.

Поскольку такого рода перестройка была бы ориентирована не только на внутренний рынок, но и на широкие международные связи (экспорт товаров и импорт сырья), ряд „дирижистов” предлагали в определении перспектив французской экономики выйти за рамки национальных государственных границ Франции, создать единый „экономический фронт” некоторых наиболее развитых государств Западной Европы перед лицом торгово-экономической экспансии США (а позднее и Японии) и разработать единую неоколониалистскую стратегию в отношении развивающихся стран, остававшихся основными поставщиками сырья для западноевропейской промышленности.

Так родилась идея создания Европейского экономического сообщества (ЕЭС) — „Общего рынка“, „отцом“ которого считается французский министр финансов и экономики в правительствах IV Республики Робер Шуман.

В этих откровениях французских „дирижистов“ не было ничего нового — на процесс сращивания частного капитала с государственным аппаратом буржуазного общества и образование государственно-монополистического капитализма еще в 1916 г. указывал В. И. Ленин в работе „Империализм, как высшая стадия капитализма“. Усиленные попытки французской буржуазии после второй мировой войны найти выход из тяжелых экономических, финансовых и политических трудностей за счет превращения государства в орган централизованного управления экономикой (и даже социальной жизнью — определение уровня заработной платы, цен, пенсий, страхования и т. д.) лишь подтвердили гениальность ленинского предвидения.

В конце концов после завершения восстановительного периода в 1948—1950 гг., дискредитации „атлантистов“, привязавших Францию к военно-экономической колеснице США, и колониалистов, ввергнувших страну в кровавые и дорогостоящие колониальные авантюры, именно „дирижисты“ одержали верх в борьбе фракций французской крупной буржуазии за методы управления страной. Их триумфом стало создание V Республики в 1958 г.

2. Государство в экономической жизни страны. Роль и влияние „Общего рынка“

Государство — владелец и совладелец крупных предприятий в ключевых отраслях экономики. Следует подчеркнуть, что процесс статизации (от франц. „état“ — государство) ключевых отраслей французской экономики начался задолго до того, как „дирижисты“ V Республики взяли в свои руки непосредственные рычаги управления государственным аппаратом.

Еще в годы первой мировой войны возник значительный государственный сектор в военной промышленности. В межвоенный период процесс статизации еще более усилился. При правительстве Народного фронта 1936 г. был национализирован ряд новых отраслей военной промышленности (авиация, танкостроение и др.), некоторые угольные шахты, весь железнодорожный транспорт, включая довольно разветвленную сеть частных железных дорог банкирского дома Ротшильдов. Национализация ряда ключевых отраслей экономики и транс-